

Йохен Тис

**Влияние политической культуры и идентитета
на трансатлантические отношения:
новый подъем германского антиамериканизма
после первого президентства Буша?¹**

I

За последние три года тон в немецко-американских отношениях явственно изменился. Можно не ошибиться, предположив, что выборы в обеих странах станут и решением о том, сохранится ли эта ситуация или еще раз вернется та доверительность в отношениях, которую знали в лучшие времена немецко-американских отношений. Небольшая по численности духовная элита Германии, приверженная трансатлантическим ценностям, представители которой пребывают в преклонном возрасте, вследствие развития событий, начавшегося после 11 сентября 2001 г. и войны в Ираке, оказалась отодвинутой в сторону или хранит недоверчивое и упорное молчание, наблюдая за стремительным развитием ситуации. Списки бестселлеров среди немецкой научной и научно-популярной литературы, но не только они, свидетельствуют о том,

¹ Статья была подготовлена в связи с польско-немецкой конференцией «Совместные идеи и критерии безопасности в трансатлантических отношениях» (24–26 сентября 2004), организованной Польским институтом международных дел (PISM) и Германским обществом внешней политики (DGAP), и будет опубликована на польском и немецком языках в совместном сборнике обеих организаций.

что старые антиамериканские воззрения, обусловленные культурными и политико-идеологическими факторами, получили новую подпитку. Редко политика западной демократической страны демонизировали так, как это происходит с Джорджем Бушем-младшим, отец которого совместно со своим предшественником на президентском посту Рональдом Рейганом сделал возможным воссоединение Германии. В то же время немецкие левые во главе с канцлером, предполагая, что освободились от старых обременительных императивов и изрядно подзабыв уроки истории, оперируют новыми возможностями во внешней политике. Если присмотреться внимательнее, окажется, что эти возможности таят риск возникновения старых немецких заблуждений и иллюзий. Такая линия выдается за новый курс для Германии с опорой на испытанного партнера на Западе – Францию и старого нового друга на Востоке – Россию. Берлин в недостаточной степени поддерживает отношения с малыми европейскими государствами. Рано или поздно такая политика могла бы жестоко отомстить за себя.

Проблема, с которой сталкивается Германия – это не просто иракская война и правильная оценка рисков, существовавших до нее и возникших впоследствии, а восприятие вызовов западной цивилизации во все более огрубляющемся климате мировой политики, разделение рисков с другими, их осуществляемые в достаточной мере предупреждение и сглаживание. Угроза заключается в возникновении гораздо более нестабильного, чем ранее, мира. Она требует очень больших инвестиций как минимум в три сферы: безопасность, стабилизацию систем солидарности вследствие демографического развития и сохранение окружающей среды. Множатся признаки серьезнейших изменений климата, в частности, повторяющиеся вновь и вновь катастрофические наводнения.

Европейцы, за исключением британцев и поляков, в значительной степени распрощались с идеей активного формирования европейской политики. Германия выжидает и реагирует в крайнем случае, если становятся неизбежными определенные шаги во внешней политике и политике в области

безопасности. Если принять во внимание финансовый вклад Германии в войну в Персидском заливе в начале 90-х гг., составлявший треть ее тогдашнего военного бюджета, то сейчас страна не делает практически ничего в кризисном регионе в Ираке и вокруг него. Речь идет как о военном, так и финансовом аспектах. Мало чему здесь помогает и ссылка на то, что ничего не делают и другие, например, Франция и Испания, которая вывела свои войска из Ирака. Французов пока устраивает их особая роль. Напротив, страны Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, только что освободившиеся от коммунизма и милитаризации общества, заняли активную позицию. Раскол континента, вызванный иракским вопросом, продолжает, следовательно, существовать, обостряя и без того имеющиеся проблемы процесса объединения Европы и ведя к ренационализации. Он показывает со всей ясностью, что в борьбе против терроризма снова возникла западная военная коалиция 1944 г., определенным образом повторяющая события шестидесятилетней давности. При этом обращает на себя внимание совпадающая оценка ситуации на Среднем Востоке в англосаксонском мире, то есть не только в США и Великобритании, где нет «особой проблемы» Тони Блэра, но и в Австралии и Новой Зеландии. Япония, которая в начале 90-х гг. еще более нерешительно, чем Бонн, возвращалась в мир военных рисков, заняла четкую позицию в отношении ситуации на Среднем Востоке. Скандинавские государства Дания и Норвегия, представляющие собой гражданские общества в чистом виде, послали на Евфрат военные контингенты, как и Нидерланды и Португалия, когда-то игравшие в Европе первенствующую роль. Все это должно было заставить Германию задуматься.

Не говоря о сверхдержаве Америке, позиция которой в мире остается непоколебимой, экономический и политический центр тяжести быстрыми темпами перемещается с Запада, из Европы в Азию. Турция, более ста лет не принимавшая практически никакого участия в мировой политике, возвращается в нее. Иран проводит амбициозную политику в атомной сфере,

используя нынешнюю концентрацию Америки на других проблемах вроде атомной программы Северной Кореи, для развития своих силовых позиций, в том числе с учетом ситуации в Афганистане. Индия, Пакистан и Индонезия проводят внешнюю политику и политику в области безопасности в стиле великих держав. Россия при Владимире Путине уже сегодня вкладывает большие средства в свои ослабевшие и деморализованные вооруженные силы. Если рискованной ситуации в сфере нефтедобычи суждено продлиться, то ремилитаризация этой великой державы может продвигаться еще более быстрыми темпами, чем предполагалось до сих пор. В случае соответствия вышеизложенных соображений действительности мир развивается в направлении превращения в систему держав, подобную существовавшей в XIX в. Разница, правда, в том, что на исторической сцене действует гораздо больше актеров, чем при прежней пентархии. Хочет того Европа или нет, ей придется найти ответ, которого требует такое развитие событий, а если Европа в целом не сумеет сделать это, данную задачу будут решать отдельные государства.

II

Критика в адрес США дала о себе знать уже во времена великого переселения в Америку из Германии, начало которому было положено добрых триста лет назад и которое достигло кульминации во второй половине XIX в. Она стимулировалась как антикапиталистическими аргументами, так и чувством культурного превосходства. Во время обеих мировых войн сначала кайзеровская Германия, а затем национал-социалистская диктатура совершили роковую ошибку, объявив немецких иммигрантов в Америке «пятой колонной» и тем самым поставив под сомнение их лояльность новому государству. Это имело катастрофические последствия для американцев немецкого происхождения. Они были отчасти интернированы, оказавшись изолированными от остального общества, находившегося в состоянии войны. Были даже переименованы некоторые населенные пункты. Американцы

немецкого происхождения не оправились и по сей день от этой травмы. Обращает на себя внимание их слабое представительство в политическом классе страны. Всего лишь по прошествии поколения они исчезли в американском обществе, обеспокоенные своей неуверенностью в том, что, собственно, из наследия родины следовало бы им сохранять. Дети итальянских или польских иммигрантов решают эту проблему совсем по-другому.

Своей высшей точки немецкий антиамериканизм достиг при Гитлере, который объявил США войну вслед за нападением Японии на Пирл-Харбор. Уже в своей второй, неопубликованной книге, написанной в конце 20-х гг. и обнаруженной в Америке после войны, Гитлер сформулировал идею завершающей схватки с Америкой в ходе борьбы за мировое господство. Немецкие элиты последовали за ним. Архитектору Гитлера Альберту Шпееру надлежало планировать для будущего Берлина здания, которые должны были ориентироваться на американские образцы, значительно превосходя их размерами. Подобные планы существовали и для Гамбурга, Мюнхена, Нюрнберга и Линца, других так называемых «городов фюрера». Уже в июле 1938 г. командующий ВВС Герман Геринг во всеулышание сообщал о планах атак на США с помощью бомбардировщиков дальнего действия. По приказанию Гитлера люфтваффе планировали, начиная с 1940 г., осуществлять террористические налеты на Нью-Йорк, в особенности на Манхэттен, и атаковать военные заводы на Великих озерах. Соответствующий самолет, «Мессершмитт-264», уже существовал в качестве прототипа, но из-за постоянных оттяжек он так и никогда не был применен. Но в Великобритании и США было вполне осознано намерение нацистов сделать то, что сорок лет спустя, в сентябре 2001 г., удалось совершить «Аль-Каиде».

Когда американцы пришли в Европу и совместно со своими союзниками освободили и гитлеровскую Германию, на протяжении нескольких лет идея конкуренции в отношении Америки и ненависть к ней сменились чувствами дружбы и

партнерства. В Германии забыт тот факт, что США поначалу пришли сюда, чтобы покарать, и оставались в этой роли до дней создания Берлинского воздушного моста в июне 1948 года. Лишь затем стала развиваться та эмоциональность в отношениях, которую еще и сегодня можно обнаружить в виде своего рода «микроэлементов» в Берлине и сельских общинах Баварии, Гессена или Рейнланд-Пфальца. Немецкие левые были после 1945 г. дружелюбно настроены к Америке и сохраняли это дружелюбие до войны во Вьетнаме. Напротив, немецкие консерваторы занимали поначалу критическую позицию по отношению к Америке. Отношение Аденауэра к Кеннеди характеризовалось неприятием. Такая позиция консерваторов была связана с тем, в частности, что решение о вовлечении страны в систему западных союзов последовало только в ходе вторых выборов в бундестаг в 1953 г. До тех пор вариант нейтрального серединного положения в Европе еще находился в области возможного. Не случайно также, что такие идеи получили подпитку вследствие трудностей, возникших в процессе воссоединения Германии. ПДС, сама того не осознавая, представляет старые направления немецких антиамериканских традиций. И может случиться, что воссоединенной стране еще раз придется осознанно воспроизвести все те решения в сферах внешней политики и политики в области безопасности, которые в свое время принимала Федеративная республика.

III

Конечно, германо-американские отношения не могли оставаться теми же, какими они были прежде всего к началу 90-х годов, то есть сосуществованием в не желавшем кончаться времени эйфории: здесь сверхдержава, решившая в свою пользу исход холодной войны, там – воссоединенная страна, которая не могла постигнуть своего счастья. Но с начала нового тысячелетия эти двусторонние отношения стали развиваться слишком быстро, характеризуясь расхождениями.

Отношения, подобные немецко-американским, должны, однако, изменяться медленно, иначе им будет нанесен вред.

В Германии все еще вытесняется из общественного сознания то обстоятельство, что атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне оказали в высшей степени существенное воздействие на психологию Америки. Почти каждого обитателя чиновничьих кабинетов в Вашингтоне затронула утрата друга или знакомого в результате событий 11 сентября 2001 г. Недавно Германия, пожав плечами, приняла к сведению, что в ходе изменения глобальной стратегии из Федеративной республики выводятся две последние американские дивизии. Правда, такая возможность обрисовывалась уже в начале 90-х гг. и, конечно, постепенный уход американских военнослужащих из Германии был неизбежен – не в последнюю очередь из-за нехватки личного состава вследствие иракской войны. Но слишком уж равнодушно реагировала на это страна, за исключением непосредственно затронутых происходившим жителей гарнизонных городов. В Германии не было подлинного сожаления об этом решении, момента воспоминания о том, что в стране со времени ее освобождения от национал-социалистического ига в 1944-1945 гг. находились на постах более 10 млн. американцев, включая членов их семей, и это была встреча нормальных американцев с немцами, а не обмен между элитами. Не хватает способности к непринужденной беседе, даже если политические взгляды собеседников и различны, к освобождающему „*sorry*“ – словам извинения. Это может быть связано и с тем, что многие немецкие высокопоставленные политики не знают США или знают их лишь в весьма недостаточной мере, к примеру, сенатор со Среднего Запада, при упоминании которого охотно морщат нос, не является хорошо знакомым в Германии. В этой дополнительной утрате понимания и кругозора и заключается, собственно говоря, значение вывода американских войск из Германии.

Влюбленный в то, что было когда-то, пребывающий под влиянием безоговорочной верности США на протяжении дли-

тельного периода канцлерства Хельмута Коля, которая оправдалась в 1989 г., ХДС/ХСС заходит сегодня слишком далеко в своем представлении о том, что в германо-американских отношениях все может остаться так же, как и было последние пятьдесят лет, несмотря на какие угодно расхождения во мнениях. Но, чем дольше продолжается война в Ираке, тем тише становится в лагере немецких консерваторов, которые начинают понимать, что нельзя ни разделять манихейскую картину мира, рисуемую действующим президентом США, ни следовать его политике. Тем не менее в рядах немецких консерваторов велико беспокойство относительно того, что Жак Ширак практикует солидарность с Герхардом Шредером, для которой характерен явный антиамериканский акцент, пусть даже она отмечена не столько убеждениями, сколько тактикой. То, что не удалось в 60-е гг. немецким голлистам, могло бы совершиться теперь. Речь идет о том, чтобы безоговорочно сделать ставку на партнерство с Францией и тем самым отказаться от варианта, которого придерживались доминировавшие многие годы приверженцы трансатлантического сотрудничества – «Как с США, так и с Францией».

Окончание привилегированного немецко-американского трансатлантического диалога связано также и со снижением политического влияния Восточного побережья США, того берега, на котором высаживались миллионы европейских эмигрантов и преследуемых. Акценты в Америке сместились, о чем свидетельствует и тот факт, что главной линии конфликта между белыми и цветными американцами больше не существует. На другой стороне континента, где живут испаноязычные американцы и где второе поколение азиатских иммигрантов совершило социальное восхождение, превратившись в средний слой и академическую элиту, берег, противоположный Азии, резко увеличил свою значимость. Там, в Азии, находится и единственная держава, которая в обозримый период могла бы противостоять американцам – Китайская Народная Республика. В то же время немцы утратили собеседников в США, доверявших им на протяжении десятилетий.

Даже среди немецких экспертов-американистов едва ли найдется кто-либо поддерживающий тесные связи с окружением Буша-младшего. Следовательно, Шредер не одинок в своей немоте, если речь идет об общении с его тexasским партнером. Обе страны на время потеряли своих посредников и партнеров. Американская академия и Институт Эспина в Берлине делают все, чтобы не дать разорваться связям, связать новые нити, но события развиваются по наклонной плоскости.

IV

Независимо от результата выборов в США, фундаментальные различия между Вашингтоном и Берлином в оценке иракской проблемы продолжают существовать, но конфликт уже не носит столь принципиального характера, как год назад. Германия постепенно нашла свое место на театре военных действий, и если ООН по мере постепенного ослабления активности США в Ираке будет шаг за шагом брать на себя выполнение задач в этой стране, Берлин не сможет оставаться в стороне. На этот случай испанцы думают о временном возвращении на Евфрат и Тигр. Весьма подвижной представляется и французская позиция – ввиду серьезных интересов Франции как в Ираке, так и в регионе в целом. Так как, кроме того, американцы и россияне разделяют представление о необходимости со всей жесткостью реагировать на проявления терроризма, для немецкой внешней политики было бы самым разумным решением не доводить разногласия с США до такой степени, чтобы Германия в один прекрасный день оказалась в изоляции.

Уже проявившееся следствие нового немецкого голлизма заключается в отсутствии у Америки чрезмерной заинтересованности в предоставлении Германии места в Совете Безопасности. Давно нет ни слова о «партнерстве в условиях лидерства», которое Буш-старший предлагал немцам. Вашингтон не мог бы быть уверен в том, как Берлин поведет

себя в трудной ситуации – в отличие от уверенности в позиции британцев. Нынешнее правительство Германии в вопросах политики в области безопасности, требующих быстрого принятия решений, не обладает собственным большинством. Парламентская оговорка годится только для спокойной политической ситуации. Кроме того, с американской точки зрения, вклад Германии в политику в области безопасности сегодня недостаточен. В отличие от Франции и Великобритании, Германия не предпринимает в настоящее время никаких усилий для какого-либо изменения этой ситуации. С точки зрения политики силы, такая позиция интерпретируется в мире, в том числе и так называемыми друзьями, как прощание с идеей играть одну из первых ролей среди европейских держав. Как представляется, на сей счет в Германии между правительством и оппозицией существует молчаливое согласие. Эта политика уходит корнями в лучшие годы деятельности Хельмута Коля и Ханса-Дитриха Геншера.

Тем самым, на первый взгляд, немецко-американские отношения будут стремиться к состоянию нормальности, но в них будет отсутствовать та доверительность, которая существует между американцами и англичанами. Тем не менее, несмотря на некоторые резкие тоны, в последние годы возросло понимание принадлежности к единому ценностному сообществу и необходимости взаимозависимостей для существования международной системы. Очевидно, что немецкому правительству какой бы то ни было партийной окраски было бы легче иметь дело с администрацией Керри, нежели с действующей республиканской администрацией в ходе второго срока Джорджа Буша. В своих личных отношениях Шредер и Буш разошлись настолько далеко, что из-за их разногласий страдает практическая работа. В критические времена было бы обычно встречаться четыре раза в год для разговора с глазу на глаз, но, как кажется, с некоторых пор каждый из партнеров ждет поражения другого на выборах.

Немецко-американское взаимодействие будет при всех расхождениях между лидерами государств концентрироваться на сферах практического сотрудничества. Разногласия вокруг Ирака скрывают то обстоятельство, что Германия при красно-зеленом правительстве отказалась от дипломатии чековой книжки и проявляет активность в других кризисных регионах мира, как на Балканах, так и на Гиндукуше, что признают американцы. В чиновничьих кабинетах Берлина давно поняли, что резкий уход американцев из Ирака был бы крайне опасен для Европы. Под угрозой оказалось бы снабжение нефтью, цены на энергоносители продолжали бы расти и увеличивалась бы зависимость Германии от российских поставок. В то же время оказался бы под вопросом только что начавшийся диалог Европейского Союза с Турцией. Возросла бы и угроза Израилю, что превратилось бы, вероятно, в наиболее конкретный вызов для немецкой политики в области безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. Чтобы уклоняться от растущих американских требований и еще укрепить связь с Францией, Берлин недавно намекал на возможность своей военной активности в Африке. Суданская провинция Дарфур могла бы быть тестом на проведение такой политики.

Наконец, применительно к немецко-американским отношениям должно было бы иметь силу то обстоятельство, что эти страны представляют собой две части некоего целого, что, несмотря на все различия, признаются общности, доминирующие и впредь. Так как Европа не может и не хочет стать военной сверхдержавой, зонтик безопасности, который сверхдержава раскрыла над Европой, остается, как и прежде, жизненно важным. Немецкая политика должна быть нацелена на то, чтобы в любое время пробудить у американцев чувство солидарности и готовности к риску. Немецким левым следовало бы стать более сдержанными в игре с антиамериканскими чувствами, которые, хотя и в разной дозировке и по разным причинам, существуют во всех политических лагерях. Немецким консерваторам следовало бы распрощаться с представлением о трансатлантических отношениях как о своего рода им-

перативном мандате. В длительной перспективе у государств нет друзей, они конкурируют друг с другом. Но близость Америки и ее внимание к партнерам как в хорошие, так и в плохие времена способствуют обузданию немецкого беспокойства и нервозности.

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)